

Глаза на меня посмели поднять! Мой муж вам этого не простит!

Цзян Янь, который как раз собирался разразиться насмешками, молча проглотил слова обратно.

Мам, он что, с ума сошел?

Госпожа Цзян отступила на шаг.

Глава семьи Цзян равнодушно посмотрел на него: Цзян Шэн, притворяться сумасшедшим бесполезно. Такова твоя доля, придется смириться.

Он слегка приподнял подбородок, и слуга, поняв знак, затолкал парня прямо в мягкий паланкин.

В путь, в резиденцию князя Чжэньбэй.

Глава 4. Встреча

Паланкин всю дорогу трясло.

У Цзян Шэна были связаны руки и ноги, он не мог даже пошевелиться, и от такой качки его чуть не вырвало.

Хотя это и не было свадьбой по всем правилам, брак всё же был дарован императрицей-вдовой, однако в резиденции князя Чжэньбэй не соизволили вывесить даже единого красного фонаря — очевидно, этого молодого господина Цзян там ни во что не ставили.

Навстречу вышел лишь один управляющий, который, видимо, получив деньги от семьи Цзян, осмелился приказать слугам доставить человека прямо в личные покои князя.

Ноги Цзян Шэна были связаны, идти он не мог, поэтому его просто взвалили на плечи двое слуг.

Даже в этот момент он находил в себе силы пошутить и подумать о том, до чего же всё это смахивает на уход за наложницей в телесериалах.

Князь Чжэньбэй в его воображении представлялся эдаким широкоплечим, пузатым громилой, который питается сырым мясом.

Если такой человек станет к нему прикасаться... От одной этой мысли Цзян Шэна едва не

стошнило.

Он зажмурился, сжимая в ладони серебряную шпильку. Он спрятал её исподтишка, пока в поместье Цзян его приводили в порядок.

Была не была, умрем вместе!

Увы, боевой настрой Цзян Шэна быстро улетучился: слуга, несмотря на взятку, оказался на редкость осторожным. Он обыскал Цзян Шэна и без труда обнаружил шпильку, зажатую в кулаке.

Слуга выхватил её и усмехнулся: Молодой господин Цзян, не занимайтесь глупостями. С вашими-то тонкими ручками и ножками вам нашего князя ни за что не ранить, а вот помереть лютой смертью выйдет запросто, к чему это? Услужите как следует, угодите князю — глядишь, и жизнь сохраните.

Ему еще и услужить?

Мечтать не вредно!

Цзян Шэн зло сплюнул.

Слуга равнодушно пожал плечами: Раз сами ищете смерти, вас никто не спадет.

Цзян Шэн не ел почти двое суток — с тех пор, как перекусил у охотника, — и теперь от голода у него совершенно не осталось сил. Шпильку отобрали, на душе скребли кошки. Он безвольно позволил им делать с собой что угодно, а когда в конце концов швырнули на пол, забился в угол жалкой кучкой.

Дверь открылась и закрылась.

В просторных покоях Цзян Шэн остался один.

Прислушавшись и убедившись, что вокруг тихо, он украдкой приподнял голову, огляделся, и в конце концов его взгляд уперся прямо в стол.

Несколько тарелок с изысканными на вид сладостями. Цзян Шэн сглотнул слюну — в животе уже давно урчало, так что сейчас все великие проблемы вылетели у него из головы, и во всем мире для него существовало лишь то, что лежало на столе.

Умирать — так наевшись досыта!

Проблема была в том... что его руки и ноги оставались связаны!

Цзян Шэн мысленно яростно выругал Цзян Юаня, но всё же не совладал с молящим о еде желудком. Сжав зубы, он оттолкнулся задом от пола и подпрыгнул.

Какой же полезный всё-таки зад!

Стараясь удержать равновесие и подпрыгивая на ходу, точно маленький цзянши, Цзян Шэн добрался до стола. Руки были связаны, так что ему оставалось лишь согнуться в три погибели и вытянуть шею — он уже почти дотянулся зубами до пирожного, как вдруг снаружи посмел раздаться шум: кто-то толкнул дверь.

Внезапный звук до смерти испугал Цзян Шэна, он инстинктивно отклонился назад, потерял равновесие и грохнулся на пол.

Бух.

Лу Янь, только что переступивший порог, услышал звук, его лицо помрачнело, и он бросил взгляд в сторону: Кто в моих покоях?

Стоявший рядом слуга подобострастно улыбнулся: Это молодой господин из семьи Цзян, только что доставили.

Чэн Цзин за спиной князя шумно втянул воздух.

Даже слепому было очевидно, сколь сильно князь презирает этого младшего из семьи Цзян, а этот дурень еще и посмел своевольно притащить человека прямо на глаза князю!

И ведь жить человеку надоело.

Как и следовало ожидать, Лу Янь, услышав это, не изменился в лице, но неожиданно усмехнулся и с нескрываемым интересом спросил: Сколько серебра тебе отвалила семья Цзян?

Слуга остолбенел, шмякнулся на колени и задрожал всем телом: Пощадите, Ваша Светлость, помилуйте, не брал я!

Лу Янь чуть качнул подбородком, и стражники тут же выступили вперед, заткнули слуге рот и уволокли прочь.

От одной мысли, что здесь побывала эта грязная тварь, настроение Лу Яня испортилось окончательно. Он раздраженно бросил: Выбросить к чертям, чтоб и духу не было!

Если эта скверна осквернит его тело, Шэн-шэн рассердится и перестанет приходить к нему во сны — что тогда делать?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее раздражался, и лицо Лу Яня сделалось пугающе мрачным.

Чэн Цзин не смел медлить, отрывисто ответил и поспешно шагнул за дверь.

Дверь оставалась приоткрытой, и обрывки звуков снаружи — плач и мольбы слуги о пощаде — долетели до Цзян Шэна, сжав его сердце ледяной лапой.

Драгоценное тело затряслось, он понемногу отполз назад, свернувшись калачиком в углу.

Неужели этот князь Чжэньбэй и вправду так страшен, как о нем болтали? Неужели сегодня ночью из него сделают фонарь в человеческую кожу?

Каким бы бесстрашным Цзян Шэн ни притворялся перед обитателями поместья Цзян, перед лицом смерти в нем просыпался первобытный страх. Он до крови закусил губы, беззвучно роняя слезы, которые залили всё лицо.

Шаги приближались.

Как ни прячась, в стену Цзян Шэн вплавиться не мог.

Высокая фигура заслонила собой свет.

По правде говоря, Чэн Цзин сейчас сам не знал, за что хвататься.

Маленький господин из семьи Цзян и впрямь был жалок — ревет белугой, да еще и притащили связанным.

Только вот в резиденции князя Чжэньбэй сочувствие — вещь совершенно бесполезная.

Если Лу Янь решил прикончить паренька, кто посмеет за него поручиться?

Заметив, что латный стражник протягивает к нему руки, Цзян Шэн отчаянно решился, резко опустил голову и изо всех сил впился зубами в основание чужого большого пальца.

Чэн Цзин явно не ожидал от такого хрупкого юнца подобной дерзости, да еще с такой хваткой. Острастка удалась: он зашипел, втягивая воздух, и, забыв про всякую жалость, ухватил Цзян Шэна за воротник, собираясь вытащить вон.

Цзян Шэн отчаянно сопротивлялся, но его крошечных сил для Чэн Цзина было явно недостаточно.

В панике он истошно завопил: Не трогай меня... Лу Янь, муж, спаси!

Вошедший в покои мужчина резко замер.

Этот голос...

Тем временем Чэн Цзин уже приподнял Цзян Шэна, намереваясь выволочь его наружу. Лицо парня было залито слезами, и в этот миг их взгляды с вошедшим мужчиной встретились.

На долю секунды он позабыл и про слезы, и про борьбу.

Похлопав ресницами, он ошеломленно вымолвил: Му... муж?

То же самое.

Лу Янь стоял как вкопанный, не веря глазам, и смотрел на человека перед собой.

В один миг весь окружающий мир будто исчез, растворился — остался лишь тот, кто стоял прямо перед ним. У него снова заложило в ушах, звуки пропали. Он открыл рот, но не смог вымолвить ни единого слова, словно горло перехватило спазмом.

Мерещится? Или опять началось? Нет... нет, кажется, голова не болит.

Тело Лу Яня качнуло, а затем он со всех ног бросился вперед, едва не спотыкаясь на ходу.

Чэн Цзин испугался не на шутку, решив, что князь намерен собственными руками придушить этого молодого господина Цзян.

Он уже раскрыл рот, собираясь взмолиться о снисхождении.

Но в следующий миг Лу Янь крепко прижал парня к себе.

Прямо на его глазах он со всей силой, отчаянно заключил юного господина Цзян в объятия.

Чэн Цзин: ?

Лу Янь никогда в жизни не был столь растерян. Огромная, безумная волна радости накрыла его с головой, а следом накатили паника и растерянность.

Наяву ли это?

Все восемь лет после перемещения в Дагань он видел лишь такие сны: он обнимает Шэн-шэн, но стоит проснуться — и всё исчезает, всё оказывается фальшивкой.

Лу Янь чуть ослабил хватку, дрожащими пальцами положил руки на плечи парня и темными, глубокими глазами принялся всматриваться в его черты.

Заплаканные красные глаза, мокрые от слез реценции, крошечная родинка с левой стороны носа, мягкие алые губы...

Это его Шэн-шэн. Настоящий, живой, теплый, его собственный Шэн-шэн.

Лу Янь наконец выдавил из глубины пересохшего горла два дрожащих, хриплых слова: Жена?

...

Чэн Юй подошел ближе и, издали наблюдая, как его младший брат сидит на корточках и рвет на себе волосы, озабоченно спросил: Ты чего это?

Чэн Цзин поднял голову: Брат, дай мне пощечину.

Чэн Юй опешил: Чего?

Я, похоже, отравился, — бессмысленно пробормотал Чэн Цзин. — Мне только что померещилось, будто Ваша Светлость обнимает молодого господина Цзян.

Чэн Юй тоже замер, а спустя мгновение неуверенно протянул: И правда отравился?

Постой... а где тогда князь?

Чэн Цзин вяло бросил: Выгнал меня, а сам сидит там с молодым господином Цзян. Наверно, до сих пор обнимаются.

[...]

И впрямь до сих пор обнимались.

Цзян Шэн всё плакал и плакал, льнуя к груди Лу Яня, точно маленький рисовый хлебец, ревел так, будто душа уходила из тела.

Лу Янь, только что обретший то, что считал потерянным навеки, переживал не меньшее потрясение. Его глаза до сих пор не отрывались от лица Цзян Шэна — он боялся моргнуть, опасаясь, что тот исчезнет.

Красные атласные ленты с рук и ног Цзян Шэна уже развязали, и теперь он висел на Лу Яне крошечным брелоком, измазывая слезами его шею.

Хватит, выплачется — глаза заболеют.

Лу Янь мягко похлопал Цзян Шэна по спине и хрипло произвел: Малыш, не плачь больше.

Но Цзян Шэн походил на неизлечимую плаксу, слезы никак не останавливались: Муж, я так скучал, муж, я наконец-то нашел тебя!

Лу Янь утирал ему лицо, наклонился и поцеловал в губы: Зайка, я тоже скучал.

Безумно скучал.

Лу Янь и помыслить не смел, что однажды сможет вновь увидеть Цзян Шэна наяву.

Он снова погладил Цзян Шэна по щеке.

Не сон.

Ур-р-р.

Внезапно раздалось громкое урчание в животе.

Цзян Шэн с умоляющим видом посмотрел на Лу Яня и скривил губки: Муж, я хочу есть.

Обычно по ночам на маленькой кухне резиденции дежурил лишь один повар, но стоило князю Чжэньбэй отдать приказ, как сонных стряпчих повыдергивали из постелей. На кухне закипела жаркая работа — казалось, они собрались приготовить полный императорский пир.

<http://bllate.org/book/25543/3047331>